

**Поиск Тунгусского метеорита.
Малоизвестные герои драмы XX века.
Виктор Григорьевич Коненкин.
Часть 1**

Опубликовано [19.03.2013](#) автором [Константин Коханов](#)

Предисловие или несколько замечаний к биографии Леонида Алексеевича Кулика.

Любое упоминание о Тунгусском метеорите редко обходится без упоминания о Л.А.Кулике, который умудрился убедить почти всех, что он правильно определил место падения этого космического тела. Не удивительно, но многие до сих пор считают, что только война помешала ему найти метеорит, в одной из многочисленных в тех местах, как оказалось на самом деле, карстовых воронках.

И всё-таки Леонид Алексеевич Кулик (1883-1942), специалист по метеоритам, получил мировую известность, как учёный не столько в связи с его неудачными поисками Тунгусского метеорита (30 июня 1908 года), а в немалой степени благодаря писателю-фантасту Александру Казанцеву.

Писатель выдвинул гипотезу, что над местом обнаруженного Леонидом Куликом грандиозного радиального вывала тайги, произошёл взрыв в атмосфере марсианского космического корабля с атомным двигателем, и только это фантастическое предположение в основном и поддерживает до сих пор интерес к проблеме Тунгусского метеорита.

Вопрос о том, что обнаруженный Куликом ветровал и карстовые воронки на болотах, в 80 км северо-западнее фактории Ванавара не имеют никакого отношения к месту падения Тунгусского метеорита, конечно, рассматривался и обсуждался в научных кругах, но речи о прекращении экспедиций Кулика не было. О том, что Кулик вводит научную общественность в заблуждение, и неправильно определил место падения Тунгусского метеорита, писал в партийные органы не только рабочий его экспедиции Сергей Темников, но ему даже об этом говорили его помощники, в 1928 году Виктор Сытин и в 1930 году Евгений Кринов.

1927 год, слева от Л.А.Кулика Александр Эмильевич Гюлих

1928 год, слева от Л.А.Кулика Виктор Сытин

1930 год, справа от Л.А.Кулика – С.Ф.Темников и Е.Л.Кринов

Виктор Сытин во время «спасательной» экспедиции 1928 года, когда часть пути преодолевал на самолёте, увидел сверху немало болот и метеоритных кратеров, ни чем не отличавшихся по виду от тех, что были на болотах рядом с Метеоритной Заимкой.

В тоже время Евгений Кринов, во время отсутствия Кулика, в нарушение запрета своего начальника, обследовал сопки на всей восточной половине Великой котловины, осмотрев там площадь около 40 кв. км, и о своих личных впечатлениях, написал следующее:

«Вывал леса действительно внушал представление о происшедшей в данной местности грандиозной катастрофе. Наоборот, не говоря уже о торфяниках, которые мы исключаем, как места падения метеорита, само Южное Болото казалось обыкновенным образованием ландшафта. Более того, при самом тщательном осмотре ближайших к нему участков, вплоть до края болота и, особенно, в западной его части, т.е. в непосредственной близости от места взрыва, всё оказалось самым обычным и естественным...» (Е.Л.Кринов «Тунгусский метеорит», М-Л, 1949, стр. 176).

Реакция Леонида Кулика, на предположения его помощников, что метеорит, возможно, упал в другом месте, была одинаковой – с Виктором Сытиным, после своего «спасения», он вообще прекратил общаться, а Евгения Кринова отстранил от работ и просто уволил.

Поэтому не трудно догадаться, что в биографии одного из самых известных российских «учёных», не сделавших ни одного серьёзного открытия, много белых пятен.

Следует отметить, что во всех биографиях Леонида Кулика делается основной упор на его активное участие в революционных выступлениях в рядах РСДРП в 1905 году. Далее, правда, отдельными эпизодами, его связь с большевиками отмечена в начале 1906 года, в августе 1907 года, в мае 1910 года и, наконец, в начале 1911 года, когда он вместе с братом Алексеем отбыл трехнедельное заключение в Троицкой крепости. Этого

оказалось достаточным, чтобы Леонид Кулик отошёл, видимо, навсегда от активного сотрудничества с большевиками.

Далее в биографиях Кулика отмечается его героизм во время 1-й Мировой войны, но как-то вскользь упоминается его служба у Колчака, и также туманно в Красной Армии. Этому не стоит удивляться, потому что по распоряжению академика В.И. Вернадского, накануне партийных чисток, были уничтожены (сожжены) все документальные свидетельства «сотрудничества» работников Академии Наук, как с красными, так и с белыми, имевшими место во время их арестов, в годы гражданской войны. В дневнике академика В.И.Вернадского об этом имеется следующая запись:

«Недавно умер (некролог в «Известиях» от 9.08.1928 года) Михаил Андреевич Рейснер (1868-1928), историк, правовед, публицист, принимавший участие в составлении первой Конституции РСФСР... Я вспоминаю его в связи с коммунистическим переворотом. Он приходил несколько раз ко мне, не желая возвращаться к месту службы, и хотел попасть, если не ошибаюсь, в Саратов или Петербург... Я хотел ознакомиться со всем делом, которое было мне передано – с ним я знакомился накануне переворота, и оно осталось у меня на столе в Министерстве народного просвещения. Из него выяснилось, что он, когда Министерство народного просвещения подняло против него дело по поводу его лекции студентам в Томске, как «антиправительственной», записанной одним из агентов, (он) от всего отказался и в одной из бумаг..., доказывал свою «благонадежность» царскому правительству. Помню, что вся эта переписка производила удручающее впечатление.

Вспоминаю также аналогичный случай. В ближайшие дни входа Красной Армии в Симферополь, в 1921 году ко мне, как к ректору, обратился с просьбой известный физик Яков Ильич Френкель (1894-1952), с 1929 года, член-корреспондент Академии наук СССР. *Обратился* с просьбой, заключавшейся в том, чтобы позволить ему взять из его дела унижительно-оправдывающееся заявление, которое он подал при приходе Врангеля, и благодаря которому он пережил этот «неприятный» момент.

«Не такой я дурак, – сказал он, – чтобы не подписать в таких обстоятельствах что угодно».

Френкель – порядочный человек, но так же цинично поступал Елистратов, клевет Кассо, прислужник, а может быть теперь член партии коммунистов.... Я выдал Френкелю его бумагу, ничего ему не сказав. Я взял в это время определённый путь – не разбирая красных и белых помогать всем: массу (людей) принял, не разбирая, по старым студенческим билетам – и красных (из армии) и белых (оставшихся). Принял после прихода Красной Армии в первые 3 дня до 700 человек – никто не пострадал – ни из тех, ни из других».

Эту дневниковую запись В.И.Вернадского дополняет комментарий к его дневникам за 1929 год, по так называемому «делу историков», сфабрикованному ОГПУ и приведшему к разгрому многих ветвей гуманитарной науки. В качестве предлога для репрессий стала провокация с «обнаружением» незарегистрированных политически важных документов новейшей истории в подразделениях Академии подотчётных непременно секретарю академику С.Ф.Ольденбургу...

Об этом эпизоде жена С.Ф.Ольденбурга Елена Григорьевна написала в своём дневнике от 6.XI. 1929:

«Был Владимир Иванович Вернадский. Сергей сказал ему, что я чуть не плачу, когда жгут бумаги, т.к. здесь много ценного в историческом отношении. Владимир Иванович напал

на меня с упрёками, что надо обязательно жечь.... Если обыск будет у нас, могут пострадать многие люди, бывшие кадеты.... Таскали целые корзины... Горит, горит...» (В.С. Каганович, «Начало трагедии», Звезда, 1994. № 12, стр. 124-144).

Как мы видим, что если в 1921 году изымались из дел компрометирующие документы, а в 1929 году их жгли целыми корзинами, то в 1934 году, после убийства Кирова, скорее всего, сожгли даже все поздравительные открытки от тех лиц, которые подвергались репрессиям.

Академик В.И.Вернадский познакомился с Л.А.Куликом в 1912 году во время экспедиции в Ильменских горах на Урале, где тот работал в лесничестве. По рекомендации В.И. Вернадского тогда Л.А.Кулик был зачислен штатным сотрудником Минералогического музея Российской Академии Наук. Это случайное знакомство с академиком положило начало научной карьеры Леонида Кулика, которая могла бы и не закончиться смертью в плену у немцев, если бы не одно обстоятельство, отмеченное в дневнике В.И.Вернадского в записи от 11 мая 1941 года:

«...Был в своей комнате в Лаборатории – говорил с Куликом о витринах для выставки. Шмидт (вице-президент АН СССР) правильно дал ему нагоняй, что он недостаточно внимательно отнёсся к болиду под Москвой, наблюдавшемуся «членами правительства». Кулик был вынужден ехать сам. При реальных наших условиях – диктатуры «правительства» – это неизбежно».

Поиски Л.А.Куликом метеоритов в Подмоскowie так же, как и поиски Тунгусского метеорита, оказались безрезультатными. Достойный выход из создавшегося «положения» ему подсказала война - вступить «добровольцем» в ряды народного ополчения.

После смерти во время войны Л.А. Кулика, к поискам Тунгусского метеорита КМЕТ АН СССР приступил только в 1958 году. В 1959 году к поискам Тунгусского метеорита подключилась Комплексная Самостоятельная Экспедиция под руководством Геннадия Плеханова. При этом в 1959-1960 годах она работала по собственной программе проверки всех гипотез связанных с причинами взрыва над поверхностью Земли Тунгусского космического тела вплоть до аварии межпланетного космического корабля с ядерной энергетической установкой, затем в 1961 совместно с экспедицией КМЕТа, и после 1962 года уже фактически, только КСЭ продолжало проводить поиск кометного вещества, правда не сбрасывая окончательно с весов и другие гипотезы. Периодически на Метеоритной Заимке Леонида Кулика появлялись небольшие группы энтузиастов, желавших найти метеорит самостоятельно, но кроме группы Алексея Золотова, никто там ничего так и не нашёл, и не открыл. Алексей Золотов по крайней мере защитил кандидатскую диссертацию о характере взрыва Тунгусского метеорита, из которой любому дураку было ясно, что он носил техногенный характер. В 1962 году неожиданно для всех поиски Тунгусского метеорита решил возглавить уроженец села Преображенка на Нижней Тунгуске, учитель ванаварской средней школы Виктор Коненкин. Возглавить метеоритную экспедицию АН СССР, ему конечно не разрешили, но рабочим в эту экспедицию взяли. О Викторе Коненкине автор этой статьи постоянно узнавал что-то новое во время своих экспедиций, связанных с поиском места падения Тунгусского метеорита, находил ссылки на него в печатных изданиях, получал кое-какую информацию от знавших его или что-то слышавших о нём, живших в то время и работавших в тех местах, людей.

Виктор Григорьевич Коненкин, фотография 1966 года

Перед тем как перейти к рассказу об этом интересном человеке, оставившем заметный след в истории поиска путей решения проблемы Тунгусского метеорита, автор этой статьи, посчитал нужным также ознакомить читателей с краткой историей поисков этого космического тела, отметив в этом деле и своё в нём участие.

Автора этой статьи и Виктора Григорьевича Коненкина можно было бы поставить в один обособленный ряд исследователей проблемы Тунгусского метеорита, которые больше рассчитывали на собственные силы и стремились самостоятельно найти следы этого небесного тела, но только за одним маленьким исключением.

Константин Коханов в отличие от Виктора Коненкина, вообще, к началу предпринятых им поисков Тунгусского метеорита, не имел ни малейшего представления о тайге и о работе в таёжных условиях и тем более, где следует искать этого космического пришельца.

Что же касается Виктора Коненкина, который был местным жителем и хорошо знаком с таёжными условиями жизни, то после проведенного им опроса очевидцев падения Тунгусского метеорита, он был в полной уверенности, что кроме него никто больше точнее не знает, где следует искать место падения этого небесного тела.

Пути Константина Коханова и Виктора Коненкина ни разу не пересекались. В 1970 году, когда автор этой статьи впервые отправился на поиск Тунгусского метеорита, жизнь Виктора Коненкина уже нелепо оборвалась. Скупые упоминания о нём, часто

иронического характера, не отражают на самом деле вклада этого человека в дело решения проблемы Тунгусского метеорита, хотя он не менее весом, и не менее важен, чем всё то, что было сделано многочисленными и хорошо известными последователями Леонида Кулика до конца XX века.

Всем, кто интересуется проблемой Тунгусского метеорита известно точно только одно, что его падение произошло 30 июня 1908 года. Всё остальное до сих пор является предметом бесконечных дискуссий и споров, даже насчёт того, достиг ли он поверхности Земли или взорвался в атмосфере.

Немаловажное обстоятельство запутанности проблемы Тунгусского метеорита связано с большим промежутком времени, от падения на Землю до начала его поисков.

Только в 1921 году, во время предпринятой Л.А.Куликом первой метеоритной экспедиции, благодаря листку из отрывного календаря Отто Кирхнера за 1910 год, где сообщалось о падении 17(30) июня 1908 года гигантского метеорита, стали уточняться места его вероятного падения на землю.

Благодаря стараниям директора Иркутской геофизической обсерватории А.В.Вознесенского, геолога С.В.Обручева и члена Географического общества И.М.Суслова, в статьях которых, основанных на расспросах очевидцев, был приблизительно определён район падения этого гигантского метеорита. Даже конкретно указывалось, что его нужно искать в верхней части бассейна Подкаменной Тунгуски, скорее всего неподалёку от фактории Ванавара, там, где на обширной территории полностью повален лес.

Не смотря на это, за неимением средств в Академии наук СССР, только в феврале 1927 года, был начат непосредственно поиск Тунгусского метеорита, «экспедицией» (именуемой в литературе рекогносцировочным отрядом) из двух человек – Леонида Алексеевича Кулика и его помощника Александра Эмильевича Гюлиха (*по происхождению, барона фон Гюлиха Освальда Адольфа Эмильевича*).

При выборе себе помощником Гюлиха, Кулик, видимо, руководствовался тем, что ещё до первой мировой войны служил вместе с ним в 20-ом драгунском финляндском полку и, хорошо зная этого человека, считал, что на него вполне можно положиться в трудную минуту.

В записках Кулика отсутствуют какие-либо упоминания об этом человеке, и мы знаем о нём только благодаря Е.Л. Кринову, который трижды упомянул его фамилию (*и то без инициалов*) в своей книге «Тунгусский метеорит» (М., 1949, стр. 94, 95, 100). И это неудивительно, потому, что 17 марта 1935 года А.Э.Гюлих был арестован, после чего Особым совещанием при НКВД СССР осужден «как социально-опасный элемент» на 5 лет ссылки.

28 октября 1937 года А.Э. Гюлих был вновь арестован и Тройкой УНКВД Саратовской области 29 ноября 1937 года приговорен за «проведение антисоветской агитации» к высшей мере наказания, и 4 декабря 1937 года расстрелян.

Пока не будем останавливаться на результатах работы этой экспедиции, а посмотрим, с кем отправился Л.А.Кулик к месту падения метеорита в следующий раз в 1928 году.

В этот раз своим помощником он взял В.А.Сытина по профессии охотоведа-зоолога, хотя, как отмечает Л.А.Кринов, по логике соответствующим задачам экспедиции, нужно было взять с собой в качестве помощника специалиста, для выяснения действительной природы «ям» и «кратерных» образований в месте предполагаемого падения Тунгусского метеорита.

И только в третью экспедицию 1929/30 года Леонидом Куликом были включены специалисты, в качестве его помощника астроном Е.Л.Кринов и болотовед Томского университета Л.В.Шумилова. Основной работой третьей экспедиции было вскрытие Сусловской воронки и бурение трёх скважин.

Со слов самого же Кулика итогами экспедиций 1927 и 1928 годов был большой собранный материал показаний очевидцев падения метеорита и обнаруженный радиально поваленный лес, осмотренный на площади пяти квадратных километров. И только его экспедиция 1929/30 годов была связана с систематическим планомерным изучением местности, где произошло падение метеорита.

Работы по изучению падения Тунгусского метеорита после третьей экспедиции Кулика возобновились только в 1937 году. В 1937 и 1938 годах была осуществлена аэрофотосъёмка предполагаемого места падения метеорита.

В 1939 году Л.А.Кулик совершил свою последнюю четвертую экспедицию на место падения метеорита для геодезического обеспечения аэрофотосъёмки, с одновременным проведением исследования части Южного болота.

Результат произведённой аэрофотосъёмки подтвердил открытую Л.А.Куликом радиальность вывала леса, и послужил убедительным доказательством того, что исследованное им место, действительно является местом падения Тунгусского метеорита.

В связи с этим, – как пишет Е.Л.Кринов в своей монографии «Тунгусский метеорит» (М., 1949, стр. 140), – вопрос об исследовании всей области поваленного леса уже не ставился, и академик А.Е.Ферсман даже предлагал спустить по ручью Чургиму воду из Южного болота, чтобы обнаружить в нём Тунгусский метеорит.

Возможно, на этом бы и закончилась «эпопея» поиска Тунгусского метеорита, но начавшая вскоре вторая мировая война и гибель в плену Л.А.Кулика, опять отодвинули поиск метеорита, ещё почти на 20 лет.

Учитывая, что монография Е.Л. Кринова «Тунгусский метеорит» была написана только спустя 10 лет, но даже то, что относится к нему лично, вероятно было написано в основном, полагаясь на память, а не на дневниковые записи. Поэтому трудно понять, почему Л.А.Кулик не обращал внимания на, казалось бы, очевидные факты, занимаясь поиском метеорита исключительно в болоте. Скорее всего, и выводы о предполагаемом месте падения Тунгусского метеорита были сделаны Е.Л. Криновым тоже спустя много лет, после описанных им в монографии (М., 1949, стр.173) событий:

«...исследования сначала нескольких небольших воронок, а затем воронки Сулова не привели не только к обнаружению в них метеоритов, но даже к установлению характерных и несомненных признаков того, что эти воронки были образованы падением отдельных метеоритов. Наблюдавшиеся некоторые следы деформаций и, по-видимому, нарушений нормальных процессов в них не могут быть признаны доказательством метеоритной природы этих образований.

С другой стороны, тот факт, что все воронки и депрессии располагаются в нескольких (трёх) низинных местах, в точности следуя контурам этих низин, и совершенно не обнаружены на склонах сопок и на других возвышенных местах между этими низинами, занимающих в общей сложности значительно большую площадь, чем низины, убедительно говорит против метеоритной природы этих образований».

Но всё-таки всё самое интересное в монографии Е.Л. Кринова «Тунгусский метеорит», заключается в его личных впечатлениях (М., 1949, стр.176-177):

«Что же касается личных впечатлений автора, то нужно сказать следующее. Вывал леса действительно внушал представление о происшедшей в этой местности грандиозной катастрофе. Наоборот, говоря о торфяниках, которые мы исключаем, как места падений метеорита, само Южное Болото казалось обыкновенным образованием ландшафта. Более того, при самом тщательном осмотре ближайших к нему участков, вплоть до края болота и, особенно в западной его части, т.е. в непосредственной близости от места взрыва, всё казалось самым обычным и естественным. Склоны сопок, постепенно подступающие со всех сторон к болоту, сохранили на корню сухостой, как мы отмечали ранее; никаких выбросов торфа, ила или иных каких-либо материалов, из которых слагалась поверхность болота до падения метеорита, на окружающих склонах не обнаружено. Сухие деревья, за исключением своеобразности ожога, о которых мы говорили ранее, ничем иным не указывали на происшедший по соседству с ним колоссальный взрыв. Нужно, впрочем, отметить, что в некоторых местах на краю болота можно было видеть затопленными много сухих деревьев; это свидетельствовало о том, что уровень воды в болоте поднялся, или, что Южное болото вообще наполнилось водой, представляя собой ранее более или менее сухую впадину, как описал её эвенк Лячеткан. С другой стороны отмеченное отсутствие выбросов на склонах сопок, может быть, объясняется тем, что они смыты дождями и вешними водами или закрылись различным мусором, заросли кустарником, мхом или травяным покровом за протекшие после падения метеорита 20 лет. Таким образом, указанная особенность может и не быть доводом против предположения о падении метеорита в Южное Болото.

Итак, хотя в Южном Болоте и не обнаруживается явных признаков падения метеорита, тем не менее, оно является наиболее вероятным местом падения метеорита».

Ещё следует обратить внимание в монографии Е.Л. Кринова на то, что, по его мнению, мог представлять собой метеорит, и как ни странно от этого далеко не ушли и все последующие исследователи (*а не толкователи*) проблемы Тунгусского метеорита (М.,1949, стр.184):

«Из всего сказанного выше мы можем заключить, что Тунгусский метеорит при своём падении и последующим за ним взрыве полностью или в значительной части превратился в газ. Поэтому в лучшем случае возможны находки лишь сравнительно небольших осколков метеорита, рассеянных в окрестностях места падения, подобно тому, как были обнаружены метеоритные осколки вокруг кратеров Аризонского, Генбери, Вабар и других. Но это возможно в случае, если бы он был железным. Однако академик В.Г. Фесенков придерживается предположения о том, что Тунгусский метеорит был каменным. Точно также и И.С. Астапович считает, что метеорит был каменным, и придерживается той гипотезы, что он представлял собой голову небольшой кометы, хвост которой вызвал аномальные светлые ночи. Эта мысль была высказана им ещё до опубликования аналогичной гипотезы Уипплом...

...Академик В.И. Вернадский высказал мысль о том, что Тунгусский метеорит мог представлять собой облако достаточно плотной космической пыли».

На сегодняшний день лучшую летопись последующих поисков Тунгусского метеорита написал Борис Иванович Вронский, который также занимался поисками метеорита и так же, как автор этой статьи использовал в своих «мемуарах» для этих целей монографию Е.Л. Кринова «Тунгусский метеорит», как своего рода первоисточник событий довоенного периода. Книга Б. Вронского «Тропой Кулика» (*первое издание М., 1968*) трижды переиздавалась и никогда не залёживалась на прилавках книжных магазинов. Автор этой статьи даже использовал её в качестве путеводителя во время своей второй «экспедиции» в 1971 году и лишь на заключительном этапе перед Хушмой, предпочёл довериться, не описаниям «Тропы Кулика» из этой книги, а больше своей интуиции.

Но не будем останавливаться на сделанных Е.Л. Криновым выводах, которые повторяет Б.Вронский, а сразу перейдём к той части, которая положила начало, как сейчас говорят «раскручивания» проблемы Тунгусского метеорита, из себя ничего не представляющего ценного для науки космического мусора до предтечи земного апокалипсиса.

Пока учёные анализировали возможные траектории полёта Тунгусского метеорита, его вес и мощность взрыва, особенно не придавая значения, что над Хиросимой и Нагасаки, американцами в 1945 году были взорваны атомные бомбы, писатель-фантаст А.П.Казанцев в журнале «Вокруг света» (*№1, 1946*) опубликовал свой рассказ «Взрыв». В этом рассказе он выдвинул версию, что 30 июня 1908 года в бассейне Подкаменной Тунгуски взорвался марсианский атомный корабль.

Как пишет Б.Вронский («Тропой Кулика», М., 1968, стр.33), «в рассказе было немало «клюквы», видимо вследствие незнания автором обстановки, в которой произошла катастрофа... Казанцев сразу стал необычайно популярен. Он выступал с докладами и лекциями, упрекая «метеоритчиков», которые не желают признать выдвинутую им версию за научную гипотезу».

Хотя в 1947 году на Дальнем Востоке упал Сихотэ-Алиньский железный метеорит, и основное внимание было приковано ему, Тунгусский метеорит, также не забывали.

В 1949 году в опубликованной Е.Л. Криновым монографии «Тунгусский метеорит» где подробным образом была изложена история его проблемы, на страницах 170-171 приводилось описание «интересной особенности действия взрывной волны»:

«Во многих местах, как внутри котловины, так и вне её, но в зоне распространения ожога, неоднократно встречались уцелевшие на корню одиночные старые лиственницы, совершенно лишённые боковых ветвей. Очевидно, последние были сорваны воздушной волной, однако самые стволы деревьев (хлысты) уцелели и даже не были обожжены. В результате за прошедший после падения метеорита промежуток времени они обросли густыми молодыми побегами и приобрели теперь совершенно необычную форму, напоминающую форму пирамидальных тополей или кипарисов.

Теперь следует сказать несколько слов об ожоге. Кулик неоднократно отмечал, что ожог, наблюдаемый на месте падения метеорита, имеет характерные особенности, отличающие его от ожога обычных лесных пожаров. В чём же заключаются эти особенности? По наблюдениям автора (*Е.Л. Кринова*), прежде всего, бросается в глаза то, что у сохранившихся на корню сухих (обожжённых) деревьев ожог замечается лишь в том случае, если на деревьях сохранились остатки коры, которая сверху обуглена. В

противном случае, т.е. если кора с деревьев уже отвалилась, а это наблюдалось чаще всего, древесина самих стволов не имеет ожога. Далее, все ветви у стоящих на корню сухих деревьев загнуты дугообразно книзу с выпуклостью вверх, причём тонкие ветки и сучки обычно обломаны и сохранились лишь толстые ветви. Между тем, на обычных лесных гарях, которые неоднократно встречались по пути следования экспедиции по тайге, в том числе и вблизи фактории Ванавары, засохшие от обычного пожара деревья стояли с целиком сохранившимися кронами. Последние, как кружева, представляли собой сетку с тонким узором. Самая же характерная особенность ожога, наблюдаемая на месте падения метеорита, состоит в том, что на всех концах обломанных ветвей у сухостоя всегда имеется уголёк, причём самый излом всегда направлен книзу и идёт косо. В результате, обломанный конец ветки с угольком на нём имеет своеобразный вид, напоминающий, по определению Кулика, «птичий коготок». Кроме того, часто на дереве, особенно на его вершине, можно видеть расположенные рядом толстый и совсем тонкие сучки, обломанные с концов и имеющие угольки. Это свидетельствует о том, что ожог произошёл мгновенно, т.е. в результате последовавшего взрыва, а не от обычного лесного пожара, при котором тонкий сучок сгорел бы дотла, если пламя было такой силы, что обожгло рядом расположенный толстый сучок.

Наконец, в заключение следует отметить, что обнаруженные в котловине столбы лабазов были обожжены настолько, что с поверхности они оказались сильно обугленными. Не смотря на это, столбы не сгорели, хотя были, надо полагать сухими. Таким образом, и это явление указывает на мгновенное действие ожога, после которого не последовало пожара».

Конечно, если рассматривать это описание «характерных особенностей» ожога и считать, что он был последствием взрыва, то можно, конечно, прийти и к таким фантастическим предположением, что его вызвало мгновенное воздействие большой температуры. Тут уж лучше ничего не придумаешь, чем ядерный взрыв, или взрыв инопланетного космического корабля с ядерной энергетической установкой. Но если спуститься с облаков на землю и разделить во времени вывал тайги от воздействия имевших место в тех краях в 1909-1910 годах ураганов и возникший после этого (через год-два) обычный в тех краях лесной пожар, то всё находит своё простое объяснение. Разумеется, после любого большого ветровала тонкие ветки у оставшихся одиноких деревьев, будут обломаны, но это не значит, что они все обязательно упадут на землю. Часть из них останется висеть на более толстых ветвях, да и сами тонкие ветки могут остаться болтаться на коре или находится в переломленном состоянии. Так что в случае низового пожара они вспыхнут, как порох и, разумеется, опалят (не успеют поджечь) при горении более толстые ветки и образуют на своих концах, так удививший Кулика «уголёк».

Автора этой статьи всегда удивляло, что при описаниях радиального вывала тайги и самой местности, почти никогда не упоминается, что она находится в зоне вечной мерзлоты. Её ледяная граница, в зависимости от прогреваемости почвы даже летом, находится на глубине в основном 15 – 50 см, и поэтому сама тайга в тех местах, представляет собой, как бы единый живой организм с переплетёнными, доходящими до этой глубины корнями. Поэтому для того, чтобы повалить почти сплошь все деревья на значительной площади в тех местах, хватило бы силы ураганного ветра, который в европейской части России, на такой же площади, повалил бы только отдельные деревья.

Теперь имеет смысл вернуться к экспедиции Л.А. Кулика 1928 года, к её заключительной части, когда этот первый исследователь Тунгусского метеорита решил остаться в тайге один и ждать там дополнительных средств от Академии наук для продолжения начатых там работ по раскопке и осушению «метеоритных» воронок. За выбиванием средств Л.А.

Кулик отправил в Ленинград своего помощника Виктора Александровича Сытина. Закончилась эта история, в конце концов, шумихой в прессе о «погибающем в тайге учёном» и организацией для его спасения экспедиции, для руководства которой «мобилизовали» Иннокентия Михайловича Сулова.

Основная часть «спасательной экспедиции» во главе с И.М. Суловым добиралась до Кежмы поездом до Тайшета, и дальше на лошадях, а Сытину предложили лететь туда на гидросамолёте, чтобы организовать там отправку всей группы до Ванавары. Хотя гидросамолёт ему дали в Иркутске только до Братска, но Сытин уговорил лётчика доставить его на сто километров дальше до села Дубинино. Оттуда В.А. Сытин сплавлялся на лодках и оказался в Кежме на пятый день пути, где через два дня встретил И.М. Сулова с товарищами и дальше вычным обозом дошёл вместе с ними до Ванавары.

Во время полёта над тайгой в душу В.А.Сытина закрались сомнения, – а там ли они ищут метеорит? Как будто с некоторых пор засела в ней заноза:

«Собственно не с некоторых пор, а точно первого октября, немного более месяца назад. В тот день я влез в кабину старенького самолёта «Юнкерс-13» на поплавках. Александр Степанович Демченко покрутил ручное магнето, каким в то время заводили мотор, и, дав прогреться двигателю, повёл машину на взлёт по широкому плёсу Ангары. Внизу открылась панорама Иркутска, затем раскинулась до края неба необъятная тайга. Она была похожа на чёрно-зелёный ковер, украшенный затейливой вязью ярко-жёлтого рисунка. Лиственницы уже окрасились в цвет осени. В девственной тайге нет открытых, безлесных пространств. «Поляны» там – это либо «гольцы», вершины высоких сопок, либо пожарища или болота. Уже в районе Братска, когда сверкающая лента Ангары у горизонта вспенилась бурунами знаменитого Падуна, крупнейшего порога на этой реке, слева, в распадке, между грядями и покрытых чащобой холмов, я увидел обширное, продолговато-овальное болото. Поверхность его была буро-рыжая и волнистая – совсем как Большое Болото в «стране мёртвого леса» А в одной его части совершенно чётко выступали пятнышки, очень похожие на «кратеры» от падения осколков метеорита. Поспешность выводов, как известно, характерная черта молодости, недостаточности знаний...

- Здесь тоже упал метеорит, – подумал я сначала. Затем мысль моя повернулась, как говорят, на все сто восемьдесят градусов:

- Нет..., наверное, Кулик ошибается. Наверное, он принял обычные для таёжных болот ямы, выжженные в торфе подсохшего болота, вокруг пней, за «кратеры» – воронки от падения осколков метеорита. А лесоповал вокруг – следствие вихря, торнадо, подвергнувшего уже мёртвые, обожжённые большим таёжным пожаром деревья. Ведь таких пожарищ немало в тайге.

- Стало быть, – пришёл я к выводу, – Тунгусский метеорит упал не в том месте, где его ищем мы. Он, может быть, пролетел дальше. И где-нибудь лежит себе в бескрайних просторах на севере, у Хатанги.

Этот вывод и был той «занозой».... А тут ещё новые «доводы» в пользу еретической мысли.

Добравшись до Заимки у Большого Болота, все мы участники «спасательной» экспедиции, и в том числе корреспонденты, почти две недели с утра дотемна рыли по указаниям

Леонида Алексеевича траншеи и шурфы в «кратерах» и... ничего не обнаружили. Ни малейших осколков метеорита не было найдено и на каменистых склонах гор вокруг. А там ведь они не могли «зарыться» в породу! Ничего не дали и магнитометрические наблюдения. В одной из больших воронок, «кратере Сулова», сам Иннокентий Михайлович (в честь кого и назван был этот «кратер») пролежал немало часов, опустив голову над котелком магнитометра. Ничего не сказала ему стрелка прибора...

И я выдернул «занозу»:

- Леонид Алексеевич, – сказал я тихо, – Леонид Алексеевич... А может быть, метеорит упал не тут, а пролетел дальше? Я видел болота...

Продолжать мне не пришлось. Кулик резко отодвинул, вернее – оттолкнул меня. Отклоняясь к противоположной стенке лабаза, я задел рукой за свечу, она упала и погасла. И в полной темноте я услышал чужой, жёсткий голос:

- Предатель.... Как я мог вам верить, старый дурак! Я должен был предвидеть, что академики вас убедят..., не верить мне! Уходите... (Виктор Сытин, «Пути и встречи», М., 1976, стр. 57-58)».

Доверительные отношения В.А.Сытина с Л.А.Куликом, судя по продолжению его рассказа, были испорчены навсегда и, хотя в 1940 году они якобы стали лучше, но в это поверил, видимо, только сам рассказчик, спустя почти 50 лет, после тех, может быть, самых главных событий в его жизни.

6 апреля 1929 года, когда экспедиция Л.А.Кулика, в которой его помощником был теперь Е.Л.Кринов, прибыла на предполагаемое место падения Тунгусского метеорита, то там, как говорится в его монографии («Тунгусский метеорит») «согласно договоренности с кежемскими организациями», были построены две избы и один лабаз. Также и на реке Хушме, около бани, были построены ещё одна изба с лабазом.

Далее автором статьи приводится с небольшими комментариями и редактированием текста, рассказ о работе этой экспедиции самого Евгения Кринова из его монографии «Тунгусский метеорит»:

В первый же день при приезде экспедиции загорелась одна из построенных для Кулика изб. После окончания, начатых в первые дни подготовительных и хозяйственных работ (рытья колодца), экспедиция приступила к вскрытию Суловской воронки, которая представляла собой «довольно правильное круглое болото, диаметром около 32 метра», находящееся в метрах двухстах от базы экспедиции.

«На юго-восточном борту этой воронки имелась сухая яма, поперечником около 10 метров». К южному краю торфяника, где находилась Суловская воронка, примыкала цепочка воронок – депрессий, несколько большего диаметра, неправильной вытянутой формы, уровень воды в которых был ниже её уровня. Поэтому Кулик, предполагая, что эти воронки являются метеоритными кратерами, решил спустить воду из Суловской воронки в соседнюю с ней депрессию, прорыв к ней через борт воронки траншеею. Стоявшая ещё в этих местах зима, «благоприятствовала выполнению работ», так как обнажавшийся при выемке ил находился в замёршем состоянии:

«Траншея была начата от края депрессии и прокладывалась по направлению к воронке. Она прорубалась при помощи кирок, заступов, железных лопат и даже топоров.... К 25

мая траншея была окончена; длина её была 38 м, ширина 1,5 м и наибольшая глубина 4,0 м. При удалении у самого края воронки последнего порога вода устремилась мощным потоком из воронки в депрессию. Одновременно с этим ещё не оттаявший верхний моховой (сфагнумовой) покров осел на илистое дно воронки... После спуска воды из воронки участники экспедиции приступили к извлечению и удалению мха из неё, который оттаивал по мере прогревания весенними солнечными лучами. Накапливавшуюся в воронке воду откачивали при помощи ручного насоса (помпы). С наступлением половодья эта работа была прервана, так как часть участников экспедиции (Кулик, Старовский, Янковский, Карамышев и *Кринов*) на лодке отправилась... на фабрику Ванавару... для пополнения запасов продовольствия, фуража... двум лошадям и *приобретения* некоторых строительных материалов и инструмента.... 27 июня караван вернулся на базу. За время путешествия в Ванавару, оставшиеся участники экспедиции, занимались удалением мха и откачкой воды из Сусловской воронки. Вернувшиеся из Ванавары *участники экспедиции*, после непродолжительного отдыха, присоединились к работавшим *в воронке товарищам*. Очищая Сусловскую воронку ото мха, *участники экспедиции* обнаружили недалеко от её центра пень сломанного у самых корней дерева. находка была полной неожиданностью и окончательно опровергла метеоритное происхождение воронки. В самом деле, нельзя было представить себе, чтобы в воронке, образованной падением крупной метеоритной массы, мог сохраниться в естественном положении пень сломанного дерева, корни которого нормально уходили в илистое дно воронки. Пень, расположенный почти в центре воронки, свидетельствовал о ненарушенности её дна....

Не смотря на это, до конца июля экспедиция занималась откачкой воды из Сусловской воронки, раскопками паразитной воронки, расположенной на её южном борту, а также постройкой избы. Вследствие явной бесплодности раскопок *паразитной* воронки, работа на ней была прекращена.

В конце июля случился острый приступ аппендицита у рабочего К.Д.Янковского. В течение нескольких дней он находился без сознания и в бреду, при температуре выше 40°. Возникла необходимость в срочной эвакуации для его операции. 31 июля отряд в составе Кулика, Шумиловой, Ставровского и больного Янковского отправился на лодке по реке Хушме на Фабрику Ванавару. Янковский эвакуировался для получения медицинской помощи, а Кулик с Шумиловой и Ставровским *отправились, сопровождая его, заодно и для изучения естественных торфяников*, расположенных недалеко от Ванавары и около реки Макирты.... После отбытия отряда на месте падения *метеорита*, остались Афонский, Оптовцев и *Кринов*.

Пользуясь перерывом в проведении срочных и изнурительных работ, *Кринов* совершил несколько экскурсий, обойдя постепенно все вершины сопков, окружающих котловину, в секторе, охватывающем всю восточную половину котловины. Там действительно можно было наблюдать радиальность в вывале леса. На каждой из посещаемых вершин гребней и сопков поваленный лес лежал корнями к котловине, а вершинами – наружу. Поваленный лес можно было проследить в направлении от котловины сравнительно недалеко, не далее нескольких километров. Но для этого было необходимо спуститься с вершины сопки и пройти в сторону от котловины. В противном случае рожицы сохранившихся деревьев и уцелевший кое-где на корню сухой лес, а также рельеф местности и молодой кустарник не позволяли проследить бурелом на более или менее большем расстоянии.

С вершины сопков, расположенных к северу от котловины (или к западу от горы Фаррингтон), *Кринов* хорошо *видел* совершенно сохранившуюся мощную тайгу на участке за рекой Кимчу, около Лебединоного озера (*Чeko*).

С тех же вершин *Кринов* наблюдал и низинное место, частью заболоченное, частью заполненное бугристыми торфяниками с такими же округлыми образованиями, как и в котловине, начинавшееся от подошвы сопки и простиравшееся на протяжении нескольких километров, вплоть до реки Кимчу и Лебединого озера (*Чеко*).

Кулик с некоторой осторожностью считал и это низинное место местом падения отдельного роя метеоритов, называя данный участок северным. В направлении на северо-восток вдали *также* была нетронутая тайга. В западном направлении горизонт был закрыт ближайшими сопками, расположенными по краю котловины.

Таким образом, *Кринов* мог убедиться в том, что поваленный лес в направлении на север и северо-восток не распространяется далее чем на несколько километров. С другой стороны, во время экскурсий по окрестным сопкам на их пологих и обширных склонах *им* не были обнаружены образования, хотя бы в какой-то степени похожие на метеоритные воронки.

Во время этих экскурсий была осмотрена площадь около 40 кв. км, на которой чаще всего стоял сохранившийся на корню сухой лес. При этом не было замечено никаких других явных следов происшедшей *там* катастрофы.

Единственным признаком падения *там* метеорита были поваленные с корнем деревья на вершинах и внешних склонах сопки, окружающие котловину (как указано, была осмотрена только восточная часть котловины), а также ожог поваленных и уцелевших на корню сухих деревьев, покрывающих сплошь внутренние склоны тех же сопки. Однако при взгляде с вершин сопки на Южное болото, простирающееся, километров на пять с запада на восток, и полтора-два километра с севера на юг, создавалось впечатление, что именно здесь мог упасть метеорит. Наоборот, северо-западная часть котловины, в которой расположена Сусловская воронка, а также северо-восточная часть *местности*, казались самыми обыкновенными низинами, загромождённые торфяниками и многочисленными округлыми, вытянутыми и неправильной формы болотцами, часто цепочкой соединенной вместе. Во всяком случае, по своему внешнему виду они ни чем не отличались от подобных образований в других местах тайги, наблюдавшихся во время путешествий.

Кроме того, трудно было представить, что рой метеоритов при своём падении, разделившись на группы, выпал как раз в низинных местах, образовав в торфяниках многочисленные воронки, и не задел хотя бы в небольшой части склоны сопки, простирающиеся далеко от вершин, благодаря малому наклону... К сожалению, *Кринову* не удалось совершить других, более отдалённых, экскурсий. Для этого нужно было отлучаться с базы каждый раз на несколько дней.

19 августа Кулик, Шумилова и Старовской вернулись на базу. Шумилова, окончив свои работы, стала готовиться к отъезду. Нужно сказать, что, насколько можно было судить по обмену (*её с Криновым*) мнениями, в процессе работы, она не установила каких-либо явных, совершенно бесспорных признаков того, что болотца и депрессии, в частности Сусловская, являются метеоритными воронками... После возвращения с Ванавары отряда Кулика было приступлено к бурению Сусловской воронки...

Нужно учесть при этом, - *пишет далее Кринов*, - что уверенность в успехе дела постепенно у всех пропадала. Всё больше и больше овладевало сознание, что работа ведётся напрасно, впустую, что она не даст желаемых результатов...

17 ноября Кулик дал поручение Кринову отвезти в Ванавару для пересылки в адрес Академии Наук посылок с научными материалами. По пути в Ванавару Кринов обморозил ноги, и для получения медицинской помощи, ему пришлось поехать в Кежму, в связи с чем, работы по бурению в Сусловской воронке были приостановлены.

...В январе Академия Наук СССР телеграфно перевела дополнительные средства на ликвидацию долгов, окончания работ и возвращение экспедиции Кулика из тайги. Одновременно академик Ферсман сообщал о том, что никаких других средств, кроме посланных, Академия Наук выделить для экспедиции уже не сможет. После получения денег все долги были ликвидированы и на место падения метеорита Криновым были посланы трое рабочих, нанятых им в Кежме. К 10 января рабочие прибыли на базу экспедиции. По прибытии новых рабочих работы по бурению были продолжены...

...У самого же Кринова с выздоровлением дело осложнилось, пришлось ампутировать на ноге большой палец. В связи с этим он до середины февраля оставался в больнице. Выйдя из больницы, наняв пять подвод с двумя возчиками, и, закупив продовольствие в Кежме, Кринов отправился на базу экспедиции. В Ванаваре к обозу Кринова, присоединился эвенок Лючеткан (И.П. Петров)...

...По прибытии Лючеткана на место падения метеорита, 8 марта Л.А.Кулик вдвоём с ним осмотрел ближайшие к базе окрестности и по результатам осмотра составил акт. Кринов не присутствовал при разговоре Кулика с Лючетканом.... По поводу Южного Болота Лючеткан сказал Кринову, что раньше в этом месте олень мог свободно проходить, не проваливаясь. Между тем теперь там даже у самого края болота можно пробраться только с трудом, рискуя провалиться сквозь моховую сплаvinу в воду.

К 1 марта была закончена скважина №1 на северном борту Сусловской воронки. В результате было пройдено 25 м вечной мерзлоты и 6 м водоносного горизонта, пройти который полностью не удалось из-за недостатка обсадных труб, общая длина которых достигала лишь 30 м.

С 15 марта началась работа по бурению скважины №2 в центре Сусловской воронки. После того, как было пройдено 20 м, скважину пришлось оставить ввиду начавшегося затопления воронки вешними водами. Буровая изба была перенесена на южный борт воронки, где и была заложена скважина №3.

16 марта Кринов вместе с Лючетканом и тремя рабочими, нанятыми им в Кежме, покинул базу экспедиции, направившись в Ленинград...

Е.Л. Кринов в своей монографии постарался обойти стороной конфликтные ситуации в экспедиции Кулика, которые сначала послужили причиной отъезда трёх рабочих, а затем и самого Евгения Кринова. Стоило только Кринову сказать, чтобы Кулик обратил внимание на то обстоятельство, что на всех окрестных сопках, которые он обошёл во время его отсутствия на Заимке, им не было обнаружено ни одной воронки, и возможно, метеорит нужно искать в другом месте, как тот сразу же отстранил своего помощника от дальнейшей работы. Сделав повторную попытку объяснить своему начальнику, что не может такого быть, чтобы все осколки метеорита упали только в низине, он, в конце концов, вынужден был уехать с места проведения работ в Ленинград.

...На месте падения метеорита остался Кулик с Афонским и Ставровским. Вскоре к ним вернулся выздоровевший Константин Янковский. Силами этих лиц и продолжалось бурение в скважине №3. Однако и эта скважина не была доведена до конца.

Во время обогривания скважины в мае 1930 года для выемки обсадных труб случился пожар, и буровая изба сгорела дотла; оказался испорченным и буровой инструмент.

24 мая с места падения *метеорита* выбыли Афонский и Ставровский; в тайге остался Кулик вдвоём с Янковским.

По прибытии в Москву *Кринов* вёл переговоры в Осоавиахиме об организации на месте падения метеорита весной 1930 года аэрофотосъёмки. *Затем*, по возвращении в Ленинград, он сделал доклад о положении экспедиции и результатах её работы в Комиссии экспедиционных исследований Академии Наук СССР, и лично академику В.И. Вернадскому.

22 мая на совещании в составе академиков В.И. Вернадского, В.Л. Комарова и А.Е. Ферсмана *Кринов снова* сделал доклад об экспедиции. В результате совещание приняло следующее решение:

1. Считая дальнейшее продолжение работ на месте падения Тунгусского метеорита необходимым, представленную начальником экспедиции Л.А. Куликом смету на продолжение буровых работ включить в следующий, 1930/31 бюджетный год.

2. Осуществление аэрофотосъёмки места падения Тунгусского метеорита текущим летом считать настоятельно необходимым.

3. Считать крайне необходимым возвращение в Ленинград, после осуществления аэрофотосъёмки, начальника экспедиции Л.А. Кулика для обработки собранных экспедицией материалов, организации новой экспедиции и отдыха.

4. Имея в виду предстоящую аэрофотосъёмку места падения Тунгусского метеорита, организуемую Осоавиахимом в конце июня 1930 года, просить т. Чухновского, осуществляющего съёмку, доставить на самолёте начальника экспедиции Л.А. Кулика до населённого пункта, откуда он сможет вернуться в Ленинград.

Оставаясь в течение лета на месте падения метеорита, Кулик занимался изучением вечной мерзлоты, вёл систематические метеорологические наблюдения и некоторые другие исследования на торфяниках и Южном болоте. Вообще в течение всего времени экспедиция вела регулярные метеорологические, фенологические, орнитологические и другие наблюдения; неоднократно наблюдались светящиеся облака, болиды и метеоры, галосы, собирались различные коллекции, кольцевались птицы и т.д.

5 июня на базу экспедиции прибыл эвенок И.И. Донкоуль, который будто бы видел в Лакуре «сухую речку», о чём ходил слух среди эвенков. В связи с этим Кулик в течение двух дней делал экскурсии с эвенком по окрестным местам вокруг котловины и составил акт, что от указания «сухой речки» тот отказался, «говоря, что таковой нет, что всякая речка при малой воде в сухое лето может быть сухой». Возможно, и Кулик не проявлял большого стремления к обследованию «сухой речки», продолжая верить в правильность определения им места падения метеорита, тем более, что для осмотра «сухой речки» нужно было отправиться в Лакуру, за 18-20 км, а между тем он спешил в Кежму.

7 июня на базу экспедиции прибыл из Кежмы нарочный с извещением для Кулика о предстоящей аэрофотосъёмке и о необходимости в связи с этим его прибытия в Кежму. К середине июля туда прибыл на самолёте и Чухновский. 18 июля был совершён полёт. Однако вследствие затяжной пасмурной погоды аэрофотосъёмка не состоялась, и 19 июля

Кулик в сопровождении двух нанятых им в селе Кежме рабочих отправился обратно к месту падения метеорита, где и оставался до середины сентября. В конце октября Кулик вернулся в Ленинград» (Е.Л. Кринов «Тунгусский метеорит», М., 1949, стр.120-128, с сокращением и редактированием текста, автором этой статьи).

На этом можно сказать активная часть поиска Тунгусского метеорита была прекращена и последующие экспедиции Кулика шли только, по сути, для подтверждения полученных им результатов, что обнаруженный им «радиальный» вывал тайги действительно соответствовал месту его падения.

Послевоенные экспедиции Академии Наук СССР под руководством К.П. Флоренского в 1953, 1958, 1961 и 1962 годах по поиску вещества Тунгусского метеорита, тоже в основном ограничились районом, изучавшимся Леонидом Куликом, но уже для подтверждения версии его кометной природы.

Что же касается многочисленных самостоятельных экспедиций (большой частью КСЭ – комплексных самостоятельных экспедиций в основном из научных работников сибирских научно-исследовательских институтов и томского государственного университета с привлечением студентов) в те же места, начиная с 1959 года, то они подходили к объяснению природы Тунгусского метеорита, уже с широким спектром мнений.

Поиск места падения Тунгусского метеорита был расширен, в соответствии с показаниями «очевидцев», которых с каждым годом становилось всё больше, но опять же, сходясь в главном, что эпицентр падения (или взрыва) метеорита (кометы, космического корабля и прочих внеземных объектов) также связан с местом обнаруженного Леонидом Куликом, гигантского радиального вывала тайги.

Попытки объяснить вывал тайги обычным ветровалом, всерьёз не воспринимались, и мало того, неоднократно научно обосновывалась конфигурация вывала, как результат воздействия на тайгу, взорвавшегося над ней, какого-то ещё неопознанного, объекта.

Автор этой статьи предпринял первую самостоятельную попытку посмотреть на места связанные с падением Тунгусского метеорита, только в июне 1970 года, хотя наверно поехал бы туда и раньше, если бы не проходил службу в армии. Кстати, именно, находясь в армии, он заинтересовался проблемами, связанными с этим упавшим на Землю небесным телом, случайно ознакомившись с ними, прочитав статью о Тунгусском метеорите, опубликованную в журнале «Техника-Молодёжи».

В 1970 году автору статьи удалось дойти берегами Подкаменной Тунгуски и Чамбы только до переправы через Чамбу, вблизи места, где эта река пересекала Тропу Кулика и уже по Тропе Кулика вернуться в Ванавару. Только в 1971 году, уже в августе, повторив часть маршрута прошлого года, автор этой статьи перешёл вброд Чамбу и по Тропе Кулика дошёл до Заимки Кулика. Там он неожиданно для себя, встретился с последними оставшимися ещё там участниками КСЭ-13 под руководством Дмитрия Дёмина, одного из участников самой первой Комплексной Самодеятельной Экспедиции 1959 года под руководством Г.Ф.Плеханова.

Не рассчитывая кого-либо встретить на Заимке Кулика, автор этой статьи оставил свой рюкзак в избе Кулика на реке Хушме и прошёл, оставшиеся до неё 8 километров, налегке. Он пошёл туда даже без брезентовой куртки-штормовки, закатав рукава футболки и захватив с собой кроме фотоаппарата только авоську с поллитровкой самодельного лимонада (из последнего лимона) и полиэтиленовым пакетом с ломаными сухарями. Неудивительно, что в таком виде автора этой статьи, появившегося на Заимке Кулика, Дмитрий Дёмин воспринял сначала, как марсианина, перевоплотившегося, в понимании только пришельца с другой планеты, в обычного советского человека, держащего в руке авоську с бутылкой водки.

Но, не останавливаясь на курьёзности последующего знакомства с остальными участниками экспедиции и своего участия в одном из походов с ними за торфяными пробами на Южное болото, автору этой статьи всё-таки следует отметить, что уже тогда, многие участники самодеятельных экспедиций, стали сомневаться, что Тунгусский метеорит действительно упал в этих местах. И не где-то рядом, как считали Сытин и Кринов, а значительно западнее или восточнее от официально (научно обоснованного), уже тогда почти всеми признанного, эпицентра взрыва Тунгусского метеорита.

Знаешь, Константин – сказал тогда автору этой статьи Дмитрий Дёмин, – говорят, что в третьем издании Большой Советской Энциклопедии, под словом «не там», будет подразумеваться место падения Тунгусского метеорита.

Дмитрий Дёмин более склонялся к тому, что место падения Тунгусского метеорита, нужно искать в верховьях Чамбы. Некоторые из участников того разговора о более вероятном месте падения Тунгусского метеорита, высказывали мнение, что искать его

нужно ещё восточнее, в верховьях Южной Чуни и даже в верховьях реки Алтыб, левого притока реки Большой Ерёмы, уже на территории Иркутской области.

В том же 1971 году, автора этой статьи, к его большому удивлению, пригласили принять участие в ежегодной конференции по проблемам Тунгусского метеорита, проходящей в Томском Государственном Университете, почему-то именно в октябрьские праздники, да ещё 7 ноября. Приглашение было в стихотворной форме на открытке, мало походило на розыгрыш, и автор этой статьи принял решение слетать на день в Томск. Конференция больше походила на обыкновенный студенческий капустник, но там он перекинулся несколькими фразами с первым руководителем КСЭ Г.Ф. Плехановым и поговорил с продолжателем его дела Н.В. Васильевым, с которым прилетел в Томск на одном самолёте. Причём автор этой статьи, интуитивно догадался при выходе из самолёта, что спускавшийся перед ним по трапу седовласый человек, что-то оживлённо продолжавший рассказывать прилетевшей с ним девушке о Ванаваре, является именно руководителем КСЭ. Там же он поинтересовался у Н.В.Васильева, куда ему лучше поехать вечером 6 ноября, чтобы переночевать или где-нибудь провести время до начала конференции. Н.В.Васильев дал автору статьи домашний адрес Вильгельма Фаста, у которого он переночевал и который утром показал ему достопримечательности Томска.

Не знаю, кто распустил слухи, что автор этой статьи преподаватель МГУ, а могли бы вообще решить, что он «засекреченный ракетчик», но на всякий случай, организаторы конференции решили с ним посоветоваться, по очень щекотливому вопросу: «Стоит ли на ней оглашать, полученные откуда-то, секретные материалы ядерных испытаний в атмосфере на высоте от 500 метров и выше от поверхности земли?»

Материалы, как понял автор статьи, были действительно «сверхсекретными», если их повсеместно показывали на занятиях по подготовке командиров отрядов ГО, с целью формирования у них навыков слаженных действий при аварийно-спасательных работах в очагах ядерного поражения и в зонах радиоактивного заражения. К тому же эти киноматериалы, никто и не собирался показывать на этой конференции, и всё сводилось к тому, стоит ли делиться со всеми участниками КСЭ, имелось в виду со студентами, информацией, что при испытаниях ядерного оружия над поверхностью земли, в эпицентре взрыва, на деревьях сохраняется даже листва. Поэтому полученная информация, косвенно, не исключала, что взрыв Тунгусского метеорита мог быть ядерным, а это уже могло говорить также о его техногенной природе.

Поинтересовавшись у организаторов конференции, давал ли кто-нибудь из них подписку о неразглашении полученных сведений, и, убедившись, что это они сами решили, на всякий случай, просто перестраховаться, автор этой статьи высказался за то, чтобы все были в курсе и по этому вопросу. И к неудовольствию некоторых организаторов конференции добавил, что не стоит делить, как участников конференции, так и участников их самостоятельных экспедиций на тех, кому обязательно всё знать, и на тех кому, что-то знать необязательно или не положено.

Так что неприятный осадок от начала конференции остался, к тому же и сама конференции была только прелюдией к предстоящему праздничному застолью. Не удивительно, что у автора этой статьи создалось тогда впечатление, что он слетал в Томск, потратив на билеты всю месячную зарплату только для того, чтобы выпить в честь 54-й годовщины Великого Октября стакан дешёвого портвейна.

К экспедиции 1972 года автор этой статьи подготовился основательно. Перечитал оригиналы всех сообщений 1908 года в сибирских газетах, связанные с падением

Тунгусского метеорита, которые удалось найти в Ленинской библиотеке (теперь РГБ) и решил, не полагаясь на выводы сделанные Леонидом Куликом и его последователями посетить все места его вероятного падения на Землю. За основу им была взята схематическая карта мест падения Тунгусского метеорита и областей поваленного леса, составленная по рассказам эвенков, Иннокентием Сусловым в 1926 году.

На какую либо помощь автору этой статьи рассчитывать не приходилось, хотя была надежда, что у кого-нибудь из участников очередной КСЭ-14 будут более или менее достоверные карты интересующих его районов. У автора статьи вообще не было никакой топографической карты, кроме административной пятнадцатикилометровки Иркутской области, с изображенной на ней интересующей его частью Красноярского Края. Но кроме условно изображенной речной сети и указания населённых пунктов, на этой карте больше ничего существенного не было – одни границы административных районов.

Некоторую помощь с корректировкой маршрута оказал ему Джон Анфиногенов, к которому автор этой статьи привёл двух томских студентов и одну студентку, навязанных ему в Ванаваре попутчиков, от которых там «кадровые» члены КСЭ, почему-то решили поскорее избавиться, а не самим их вести на Заимку Кулика. Автору статьи стало понятно, почему ему было оказано такое доверие, потому что вместо двух дней он потратил на дорогу туда 4 дня, причём помогая ещё им донести часть своих вещей, потому что студентка шла налегке, словно на загородный пикник. Вообще бросалось в глаза преобладание в числе членов самодеятельной метеоритной экспедиции этого года девушек и мало пригодных для работы в таёжных условиях парней.

У Джона Анфиногенова была фотокопия геологической стереопары района хребта Эвенкийской Лакуры и верховьев реки Верхняя Лакура, масштабом 500х500 метров, по которой была сделана прорисовка мест перехода через Большое верховое болото, но каких либо ориентиров, чтобы выйти к отмеченным на рисунке местам, всё равно не было никаких. Но и на безрыбье рак рыба, так что спасибо Джону Анфиногенову, хотя бы за то, что он поместил, принесённые мной на Заимку Кулика продукты на обратную дорогу с запиской, чтобы их, до моего возвращения, никто не трогал.

Достаточно трудно рассказать о путешествиях 1972 года автора этой статьи, которые не ограничились его маршрутом вдоль берега Верхней Лакуры до озера Пьюнга, а затем через Верховое болото и Лакурский хребет до реки Хушмы и Заимки Кулика, но о том, какие тогда события разворачивались рядом с Заимкой Кулика, рассказать всё-таки стоит. Хотя бы потому, что это история прямо связана с тем, как по совокупностям всех признаков находки, сделанной Джоном Анфиногеновым на горе Стойковича, обыкновенной с виду каменной глыбы, она с помощью автора этой статьи, превратилась в Тунгусский метеорит. И мало того Джон Анфиногенов, до сих пор надеется, что его глыба имеет к Тунгусскому метеориту непосредственное отношение. Во всяком случае «Камень Джона» это теперь основная достопримечательность Заимки Кулика. Но обо всё по порядку.

Когда автор этой статьи снова появился на Заимке Кулика, обнаружив в Верховьях Верхней Лакуры следы почти всех там побывавших экспедиций, и не найдя даже отдалённых намёков, на падение в тех местах Тунгусского метеорита, он был потрясён известием, что Джон Анфиногенов нашёл Тунгусский метеорит совсем рядом, на вершине горы Стойковича. Правда, это говорилось всеми таким тоном, что в реальность такой находки, мог серьёзно поверить, только человек, полностью лишённый чувства юмора. Тем не менее, автору этой статьи всё-таки захотелось посмотреть на открытие века и он,

не смотря на усталость от длительного путешествия, всё-таки поднялся на вершину горы и посмотрел на сделанное Джоном Анфиногеновым открытие.

Действительно откопанный Джоном валун производил впечатление даже не формой, а своим отдающим голубизной цветом, который на фоне чёрных, слагающих гору Стойковича каменных глыб, мог показаться отражением небосвода в вырытой вокруг этого камня глубокой траншее. У меня с собой была книга Бориса Вронского «Тропой Кулика» и я, перед тем как подняться на гору Стойковича, раскрыв её там, где была вкладка с иллюстрациями, вырвал из неё листок с фотографией камня Янковского, которую тот сделал, работая ещё в экспедиции Леонида Кулика, чтобы показать её Джону. Теперь Джон мог сравнить свою находку, с тем камнем на фотографии, который безуспешно пробовали неоднократно найти, как сам Янковский, так и без него, но ничего общего на той фотографии со своей находкой он так и не обнаружил, хотя, если дать волю фантазии, что-то и могло показаться кому-то похожим.

1972 год. Автор статьи передал Джону Анфиногенову, откапывающему на горе Стойковича «тунгусский метеорит», листок из книги Бориса Вронского «Тропой Кулика» с фотографией «Камня Янковского»

2008 год. Автор статьи стоит на «Камне Джона». На нижней фотографии видно, как почернел камень. Будь он таким в 1972 году, Джон Анфиногенов прошёл бы его мимо, не останавливаясь и не нагибаясь, чтобы отбить от него осколок для его дальнейшего изучения в лабораторных условиях.

Автор этой статьи попросил одного из студентов, которого он привёл к Джону в качестве помощников, сделать снимок его с Джоном у этого камня. В фотоаппарате в то время была заряжена цветная плёнка и теперь есть возможность судить о цвете откопанного Джоном Анфиногеновым валуна, сравнивая его с тем цветом, который приобрёл этот валун в настоящее время.

Разглядывая слоистую структуру откопанного Джоном валуна, автор этой статьи выразил своё недоумение, почему он занимается раскопкой только камня, а не ищет конкретных подтверждений его метеоритного происхождения. Если это действительно метеорит, – пояснил он Джону, то следует при этом иметь в виду, – что перед падением на землю, его поверхность должна быть разогрета до очень большой температуры, при температуре основной массы близкой к температуре абсолютного нуля. Мало того что разброс его частей должен наблюдаться вблизи места его падения, но и на всей траектории его полёта должно быть, по той же причине, много отвалившихся от него осколков. Поэтому, оговорившись, если со стороны Джона Анфиногенова не будет возражений, автор этой статьи, предложил ему, помочь произвести раскопки шириной и глубиной на штык лопаты вокруг его камня радиусом в пять метров. Джон задумался над его предложением и согласился на проведении раскопок вокруг своего камня, но только радиусом не менее 10-ти метров. Автор этой статьи согласился, к тому же Джон сам предложил ему в помощь двух своих студентов.

В своём дневнике автор этой статьи достаточно подробно описал произведённые им работы вблизи камня Джона, которые мало кого заинтересовали бы и поэтому дальнейшие события излагаются им в общих чертах, включительно до сделанной им интересной находки.

Где-то около десяти утра 24 июля 1972 года, вчетвером (Джон, его жена Лариса, Саша и автор статьи), поднялись на гору Стойковича. Валера с Владиком ещё спали.

Автор статьи пошёл рубить березовые колышки для разметки окружности. После того как колышки были нарублены втроём (без Ларисы) произвели разметку, после чего автор статьи с северной стороны начал производить рытье траншеи.

Пришли Валера с Владиком и стали помогать автору статьи, но до обеда, ни одного осколка камня Джона ими не было найдено.

Во время обеда Саша и Валера стали обсуждать завтрашний уход в Ванавару. Джон был расстроен. Мне было всё равно. В конце концов, Джон, прихватив с собой двустволку, пошёл с Сашей копать *свой камень* дальше. За ними поплёлся я, а за мной Владик.

Участок оказался интересным, так как через несколько минут после начала раскопок Владик нашёл довольно крупный осколок и я два маленьких на противоположном конце.

Чтобы ускорить продвижение, автор статьи решил прорубить весь участок топором и чуть приподнять его лопатой.

В одном месте, почти в центре участка, лопата провалилась в песок. Вывернув в этом месте дёрн и проворошив его, автор статьи стал устанавливать направление залегания песка. Участок оказался очень узким, и он решил установить его границы. После того как кое-что прояснилось, решил позвать Джона. Но Джон с Сашей в это время были заняты извлечением какого-то очень интересного обломка, так что автору статьи пришлось начать послойно снимать грунт *одному*.

В это время пришёл Валера и стал помогать ворошить торф. Джон тем временем освободился и с нетерпением ждал результата, а потом, взяв у автора статьи лопату и..., показался сразу же большой со сферической поверхностью обломок, за ним другой. А потом, в торфе, *уже* вывороченном перед этим *нами*, Владик нашёл третий *обломок*.

Видя, с каким нетерпением ребята набросились на мой участок, я остановил Джона, предложив продолжать раскопки утром. Джон согласился, так как хорошо понимал, что в спешке можно наделать немало глупостей.

Настроение у всех поднялось. Было очевидно, что этот осколок явился причиной образования этого «песка». А это уже что-то значило. Камень Джона Анфиногенова стал приобретать очертания Тунгусского метеорита.

Во время падения «*метеорита*», раскалённый осколок мог выжечь грунт, и нахождение этого участка уже было крупным доказательством неземной природы «каменя *Джона Анфиногенова*».

При подходе к избам Джон салютовал *из двустволки*. Лариса, узнав, в чём дело, поздравила меня. Все были возбуждены до предела. Саша с Валерой, чувствуя, что, казалось бы, явно безнадежное дело, приняло неожиданный для них оборот, решили остаться до 31 июля.

Во время ужина все, чувствуя необычность этого дня, решили его отметить. Завхоз выделил бутылку, припасённого на особый случай вина и хотя каберне не шампанское, это никак не повлияло на торжественность момента.

Потом говорили о КСЭ. Много говорил Джон обо всей мелочности придинок и упрёков, которые высыпались на его голову за время его пребывания в этой экспедиции.

- Так, что же, – сказал тогда автор статьи Джону, – я и сейчас готов повторить, что сказал твоей жене вчера – что это всё-таки самый лучший вариант, что Тунгусский метеорит найден *именно* тобой...

Джон с улыбкой *ответил*, «что так и должно было быть, потому что он уже начинал чувствовать, где его следовало искать. – Ведь с каждым годом увеличивалась вероятность, что он его найдёт.

25 июля, после завтрака, Джон сказал, что нужно выложить берёзовую звёздочку на болоте. Оказывается, она предназначалась для пожарников, которым Джон был многим обязан. В этом году они доставили его с женой на Заимку, так как после перенесённой несколько месяцев назад операции, она ещё чувствовала себя не совсем уверенно.

- Вот, если найду метеорит, первым делом выложу звёздочку на болоте, специально для Вас, – пообещал, он тогда, прощаясь с ними.

Звёздочку выкладывали почти все, кто был на Заимке. Когда она была выложена, было решено сфотографироваться в ней. Вовнутрь звёздочки вошли мы с Джоном, его жена и зачем-то Вика (студентка, которую автор статьи привёл на Заимку Кулика), не имевшая к находке метеорита отношения и находилась на Заимке неизвестно зачем.

Остальные встать рядом постеснялись, но автор статьи всё-таки сфотографировал в звёздочке Владика, который с таким усердием помогал ему вести раскопки.

И вот все опять на горе Стойковича. Весь упор сделан на площадку автора статьи. Джон делает её дальнейший обкоп и обмер, в то время, как сам автор статьи, в нескольких метрах от него, ищет новые осколки...

Через несколько часов работы пришла завхоз экспедиции Мося и сказала, что к автору статьи, с Кимчу, пришли москвичи. Вскоре они появились сами. В руках одного из московских ребят была кинокамера, и поэтому автор статьи спросил Джона, – можно ли ребятам поснимать на кинокамеру места раскопок. Джон не возражал, хотя явно было видно, что он чем-то сразу стал недоволен.

С геоморфологами из МГУ автор статьи случайно познакомился в Ванаваре, когда вернулся с Заимки Кулика, перед началом путешествия в верховья Верхней Лакуры, после того как уладил конфликт одно из членов их небольшого отряда в составе Ангаро-Ленской экспедиции, с местными жителями. Не думал, автор статьи, что для солидности представившись кому-то из них начальником «ангаро-ленской метеоритной экспедиции», что с подобным названием экспедиция, существует на самом деле, да ещё один из её отрядов находится в Ванаваре. Тогда руководитель их отряда был сильно озадачен, увидев вместо своего начальника, нагловатого вида товарища в потрёпанной штормовке, но когда понял, что перед ним начальник какой-то метеоритной экспедиции, то просто не смог удержаться от смеха. Но чего не мог ожидать от руководителя московских геоморфологов автор статьи, это только того, что тот даст ему возможность сделать копии с секретных километровых карт, хотя наверно и не ожидая, что сделанные им на кальке копии с помощью цветных шариковых ручек, почти полностью будут соответствовать оригиналам. Только благодаря этим картам, у автора статьи, риск свернуть себе шею во время путешествия, был сведён к минимуму. Узнав, что одна из групп геоморфологов

будет спускаться на плотах по реке Кимчу, автор этой статьи посоветовал одному из тех геологов, воспользоваться возможностью попутно посетить Заимку Кулика, где может быть, ещё, представится шанс им встретиться снова и поговорить.

Автор статьи, был рад, что геоморфологи пришли в то время, когда разгадка тайны Тунгусского метеорита, практически лежала у них под ногами, и поэтому попросил их во время киносъёмки, подальше обходить места раскопок и не заходить за сооружённый Джоном барьер.

Когда же он начал рассказывать им о ходе работ и о том, что этот камень (*Джона Анфиногенова*), по всей вероятности может оказаться метеоритом, благодаря найденной им площадке, которую нужно снять первым делом, Джон возмутился, что всё нужно начинать с *его* камня. Автор статьи возразил ему, аргументируя тем, что всё тогда следует начинать с него самого, с его рассказа о том, как был найден его камень. Поэтому автор статьи решил больше не комментировать предстоящие планы работ, и предоставил ребятам возможность снимать всё, что они сами захотят запечатлеть на киноплёнку.

Джон продолжал работать на площадке, но автору статьи всё равно иногда приходилось подходить к геологам, чтобы ответить на некоторые, интересующие их вопросы. И тут он обратил внимание, что к его ответам на вопросы прислушивается с *явным* вниманием Джон. Он словно провожал глазами автора статьи, когда тот подходил к кому-либо из геологов, и тому стало казаться, что у Джона уже совсем пропал интерес вести какие-либо работы.

Правда, автор статьи не сразу придал значение, к неожиданной перемене настроения Джона, думая, что тот просто переутомился и решил немного отдохнуть. Поэтому, расспрашивая геологов о планах на будущее, автор статьи пригласил ребят остаться на Заимке Кулика хотя бы до конца дня и вместе поужинать. Но геологов очень заинтересовала на горе Стойковича галька, и они попросили у Джона разрешение на копку шурфа.

Джон не возражал и даже предложил копать его у самого камня. Коля с Таней сразу же приступили к делу, а Володя попросил автора статьи показать ему свой шурф, который он выкопал в 40 метрах от камня *Джона*, где и продолжил копать его дальше.

Когда время подошло к ужину, Джон сказал, что все могут идти на Заимку, а он ещё немного поработает. Автор статьи посмотрел на Джона не без удивления и тоже выразил готовность остаться.

- Ладно, пойдём все вместе, – сказал Джон и стал звать геологов.

Геологи были заняты работой, как они выразились, «которой осталось на двадцать минут».

Все студенты и Мося начали спускаться вниз, а Джон сел на бревно и стал смотреть в сторону геологов.

Автору статьи стало как-то не по себе, и он уселся рядом. Помолчали несколько минут, а затем Джон, встал и предложил идти дальше.

Но теперь уже при спуске с горы Стойковича, Джон стал допытываться у автора статьи, зачем ему всё это нужно – поиск метеорита и все эти приключения в тайге. И неожиданно озадачил автора статьи вопросом, на который сам же постарался дать ответ:

- Что ты знаешь, Костя о Коненкине, учителе из Преображенки, который хотел найти метеорит с единственной целью, чтобы получить Нобелевскую премию? – Правда, он не мог обходиться без людей. Так вот, этот человек мог принести много пользы, так как хорошо знал эвенков, но замкнувшись в себе, в конце концов, спился и погиб. – А вот ты, как ни странно, что меня очень удивляет, обходишься без людей.

– Так ответь, зачем тебе это нужно? – снова спросил Джон, подчёркивая, что это его интересует, как социолога.

Автор статьи был ошарашен этим неожиданным вопросом, но ответил, – «что, во всяком случае, это ему нужно, не из-за Нобелевской премии».

Настроение у автора статьи, окончательно испортилось, и подошедшие к нему вскоре геологи, сразу почувствовали это. Разумеется, стали интересоваться, в чём дело.

Лгать ему не хотелось. Объяснил положение вещей. Ужин прошёл вяло. У Джона почему-то тоже пропал аппетит, и он опять зачем-то решил пойти к своему камню.

Когда Джон ушёл, геологи стали приглашать автора статьи к себе на Кимчу.

- Да пошли ты его куда подальше, поплывёшь с нами, – шутили они, – а метеорит мы тебе будем запускать каждый вечер из ракетницы.

Автор статьи колебался с принятием решения, уйти или остаться, но когда пошёл провожать геологов, принял решение покинуть Заимку. На болоте он с ними расстался, но уже ненадолго. Поднявшись затем на гору Стойковича, автор статьи сказал Джону, что ему будет лучше работать, если он перестанет маячить перед его глазами.

Джона, крайне удивило решение автора статьи уйти, но отговаривать он его не стал и к счастью даже не стал задавать больше никаких вопросов. Просто оба, молча, спустились с горы вниз к Заимке Кулика. Джон слазил в лабаз и достал оттуда принесённые автором статьи продукты.

На прощанье автор статьи подарил ему книгу Б.И. Вронского «Тропой Кулика», а Джон в свою очередь подарил ему, один из кусков от своей каменной глыбы.

С хорошим настроением, что в пору только плакать, автор статьи, быстро собрал рюкзак и пошёл тропой, ведущей в сторону озера Чеко. По дороге к озеру автор статьи догнал Серёжу с Таней, которые шли к реке Кимчу, успев к тому времени, попутно, обследовать Южное болото. Голоса и стрельба наполняли своим шумом тайгу, так что терялось ощущение пребывания в этом заповедном месте.

Всё это смахивало на Подмосковье и кульминацией, этого праздника жизни, была взвившаяся над тайгой зелёная ракета.

Втроём мы быстро дошли до Кимчу. Коля и Володя сразу засуетились у костра. Вскоре мы пили чай и делились впечатлениями этого противоречивого дня.

Московские геоморфологи ещё раз предложили автору статьи плыть с ними до Кимчукана, притока реки Кимчу и оттуда на вертолёте вернуться в Ванавару. Стоянка геологов была на Кимчу в 4 км выше озера Чеко, и поэтому когда на следующий день поплыли на плотках вниз по реке, автор статьи встретился там с руководителем КСЭ-14 Николаем Васильевым, который у зимовья рядом с озером развернул лабораторию по первичной обработке торфяных проб. Во время разговора о дальнейших планах автора статьи, он посоветовал Николаю Васильеву подняться на гору Стойковича и посмотреть на камень Джона Анфиногенова, который, уже по некоторым признакам, возможно, имеет отношение к Тунгусскому метеориту.

Казалось бы, по всем признакам путешествие автора статьи должно было закончиться на Кимчукане, но обстоятельства сложились так, что он проплыл с геологами на плотках только 30 километров.

Но и этого оказалось достаточно, чтобы ему уже на первой стоянке понять, что найденный Джоном Анфиногеновым камень, точно не метеоритного происхождения, потому что белый грунт (принятый за термическое воздействие на почву раскалённого обломка метеорита), оказывается, можно было найти рядом с каждой берёзой. В этом автор статьи убедился, когда его геологи попросили, сделать в тени одной из берёз «холодильник» для подтаявшего сливочного масла, вырыв там небольшую до мерзлоты ямку. И надо же такому случиться лопата сразу провалилась в такой же «выжженный» слой грунта, как на горе Стойковича. Для чистоты эксперимента автор статьи выкопал аналогичные ямки ещё под несколькими берёзами и понял, что Джону Анфиногенову придётся ещё долго доказывать, что он нашёл Тунгусский метеорит, и к слову, так оно впоследствии и оказалось.

Дальше этих, пройденных на плотках вместе с автором статьи 30-ти километров, геологи плыть уже не могли потому, что не было маршрутных карт и аэрофотостерео снимков местности, которые должны были им туда прислать вместе с продуктами на вертолёте. Связи с руководителем отряда так же не было, рация молчала, и автору этой статьи пришлось возвращаться назад на Заимку Кулика, а затем в Ванавару с письмом геологов к своему начальству о своём бедственном положении.

На озере Чеко автор статьи снова встретился с руководителем КСЭ-14 Николаем Васильевым и уже с ним и работавшими в лаборатории студентами вернулся на Заимку Кулика.

На Заимке Кулика, во время общего сбора, посвящённого окончанию работы экспедиции, автор этой статьи познакомился с Иваном Тимофеевичем Рысенко, майором авиации из Иркутска. Этот майор решил посвятить свой отпуск поиску застрявших в стволах деревьев осколков Тунгусского метеорита, которые после его взрыва над поверхностью земли, вполне могли застрять в стволах деревьев, наподобие осколков той фугасной бомбы, которая в конце войны упала в лесополосе, рядом с его военным училищем.

Так вот этому майору всё-таки удалось, правда, уже в Ванаваре уговорить автора статьи спуститься с ним на лодке по реке Большая Ерёма до посёлка Усть-Чайка. Хотя майор вроде бы, с его слов, договорился с пожарниками, решать, когда они выполнят обещание, в итоге пришлось автору статьи. Пожарники высадили с вертолёта автора статьи с майором и его деревянной лодкой, купленной за три рубля, в верховьях Большой Ерёмы, и как планировалось до посёлка Усть-Чайка им всё-таки доплыть, тогда, удалось. От посёлка Усть-Чайка в то время сохранился только бывший клуб и несколько полуразрушенных хозяйственных построек. Видимо из бревенчатого материала этих

построек, там же было построено два зимовья, одно из которых, самое благоустроенное, было хорошо видно с реки. Таким образом, вместо обещанного майором Рысенко аэропорта и магазина, автор статьи встретил только отпускника с сыном, за которыми должен был вскоре прилететь вертолёт. Воспользоваться этим вертолётom не пришлось, но своё отношение друг другу автор этой статьи и майор высказали. И ничего, что потом каждый пошёл своей дорогой – майор Иван Рысенко поплыл к Нижней Тунгуске в лодке, а следом за ним пешком пошёл туда же Константин Коханов, преодолев оставшиеся 80 км только на четвёртые сутки.

Таким образом, автор статьи оказался на Большой Ерёме и все свои последующие экспедиции до 1986 года совершал, поднимаясь вверх по этой реке, и по её левому притоку Алтыбу. Сначала он плывал на вёсельных лодках от села Ерёма и, спускаясь обратно до этого села, а затем уже на моторных лодках от Усть-Кута на Лене с перевозкой лодки на машине от Чечуйска до Подволошино на Нижней Тунгуске и поднимаясь вверх по тому же маршруту ещё дальше, уже по Левому Алтыбу и спускаясь обратно сначала до села Ерёма, а потом поднимаясь по Нижней Тунгуске вверх 80 км до села Преображенка.

Так что в родном селе Виктора Григорьевича Коненкина автор этой статьи побывал неоднократно. Правда, опросами местных жителей, из числа очевидцев падения Тунгусского метеорита, он не занимался, но, не смотря на это, с одним из них, Фарковым Василием Семёновичем, жителем села Ерёма, в 1972 году, ему всё-таки пообщаться пришлось. Василия Фаркова к тому времени уже дважды опрашивали члены КСЭ, и он пришёл к автору статьи из простого любопытства сам, поинтересоваться, почему на этот раз с ним не хотят поговорить. Но когда автор статьи попросил Василия Семёновича Фаркова показать, то место, на берегу Нижней Тунгуски, где он стоял со своим дядей, когда Тунгусский метеорит высоко в небе пролетел над рекой, с правой от них стороны, оказалось, что этого места давно нет. Да и село Ерёма, с его слов, было тогда не рядом с берегом, а за хребтиком, их двух невысоких горок, которые ещё 50 лет назад, были окончательно смыты во время сильного весеннего паводка. Конечно, по такой информации, уточнить траекторию полёта Тунгусского метеорита дело было бесперспективное, но и её, вероятно, учли, если не вдавались во время его опроса, как автор этой статьи, в такие маловажные для науки детали или нюансы.

На этом можно, собственно говоря, закончить введение к рассказу о Викторе Григорьевиче Коненкине и перейти к тому, что автору статьи стало известно о нём и о его желании самому найти Тунгусский метеорит.

Во время своего первого самостоятельного путешествия по Большой Ерёме до устья Алтыба в 1973 году, автор статьи встретился с геологической группой Валерия Овсянникова, состоящей из трёх человек. Геологом, собственно говоря, был только Овсянников, а двое других членов его группы числились рабочими, причём каюр Толя Манго из посёлка Мога на реке Непе, со своими оленями решал транспортные проблемы этой маленькой экспедиции. Благодаря Овсянникову, у автора статьи появилась карта Большой Ерёмы с прорисованными деталями, интересующих его мест, но, к сожалению, карта Алтыба, по имеющимся у него листам «километровки», была только до третьего ручья. И к большому огорчению автора этой статьи, до конца его путешествий по этой реке в 1986 году, ему так и не удалось обзавестись картами того же масштаба для всего интересующего его района от Левого Алтыба до верховьев Южной Чуни.

Возвращаясь обратно, он не застал уже на прежнем месте Овсянникова, которого ввиду болезни вывезли в то время на вертолётe, но зато вместо него там обосновался большой геологический отряд. Одни прокладывали просеки для геофизиков, другие продолжали

работы, начатые Овсянниковым по рытью шурфов, для уточнения геологической карты района, третьи вообще сидели без дела потому, что все вертолётчики, которые должны были забрасывать их на отведённые для работы участки, были задействованы для тушения сразу нескольких крупных пожаров. Но Манго с оленями оставался ждать Овсянникова, сказав автору статьи, что через несколько дней его должны выписать из больницы и он скоро вернётся для продолжения начатых работ.

Вот тогда, в разговоре автора статьи с геологами о Тунгусском метеорите, кто-то из них вспомнил, что примерно в 10 км от того места, где они обосновались, есть в верховьях речки Сонар (или Шанар), странное образование почти квадратная впадина 40 на 40 метров и глубиной 20 метров. И самое интересное, что Виктор Коненкин, узнав от какого-то эвенка, что в тайге есть такая впадина или провал, решил вместе с ним, обследовать это место, но так его и не нашёл.

Во время этого разговора о заинтересовавшей автора статьи впадине, большую осведомлённость, где она находится, продемонстрировал каюр Манго, «точно» указав её место, недалеко от слияния Левого и Правого Сонаров (Шанаров) у подножья ближайшей между ними горы. Далее имеет смысл привести записи из дневника автора статьи, сделанные им в 1973 году:

19 июля 1973 года. ...После разговора с Манго, случайно узнав, что недалеко отсюда находится провал, который искал Коненкин, решил сделать рейд к «сонару», то есть к провалу 40 x 40 x 20 метров. Всего, как мне сказал Манго, отсюда было 8 км до устья ручьев (Левого и Правого Сонаров). Около 15-ти часов местного времени пошёл и вернулся около 22-х часов, ничего там не обнаружив и немного проплутав по геологической просеке.

Решение идти в столь позднее время, было принято ещё потому, что геодезическим отрядом, примерно в 100 метрах от стоянки геологов, почти «до самого места слияния Правого и Левого Сонаров, была прорублена просека для геофизиков, в направлении с запада на восток. Через равные промежутки времени на ней даже были установлены вешки, на открытых безлесных и заболоченных местах.

Сначала я почти бежал по просеке, но потом, для удобства, достал компас и, выбрав направление на восток, стал ориентироваться по немецкому жидкостному компасу, но вскоре убедился, что я начал отклоняться от просеки к западу. Пришлось снова вернуться к просеке и взять направление на восток. Через некоторое время я снова понял, что стал опять отклоняться к западу. Вернувшись снова к просеке, я положил компас в карман, и дальше бежал, уже ориентируясь только на просеку, и расставленные на ней вешки.

Практически вся местность представляла собой безжизненное пространство, после большого пожара 1972 года. Иногда натыкался на сгоревшие большие муравейники, но, приблизившись к одному из них, рядом с чудом уцелевший во время пожара берёзой, я к своему удивлению обнаружил, что в этом муравейнике кипела жизнь. Теперь приходилось более внимательно смотреть под ноги, чтобы не угодить в гости к муравьям, но большие уцелевших во время пожара муравейников, я не встретил.

Возвратившись в лагерь к геологам, на вопрос руководителя геодезического отряда, какой результат «ночного рейда», я ответил, что завтра повторю попытку, поискать «провал» с утра пораньше. В свою очередь я сказал ему, что, судя по поведению компаса, складывается впечатление, что здесь может быть месторождение железной руды.

Геодезист заинтересовался моим компасом, долго крутил его в своей руке, а потом сказал:

- Никогда бы не подумал, что по этой с виду игрушки, можно было установить, что я дал тут маху. – Видишь ли, у меня забарахлила буссоль, но я понял, что ошибся градуса на два только тогда, когда мы уже закончили прокладывать эту просеку. Хотели прорубить просеку заново, но геофизики сказали, что такая погрешность, для их приборов, не имеет существенного значения.

Я высказал своё удивление, что встретил живой муравейник, но геодезист сказал, не знаю в шутку или в серьёз, что большие муравейники во время пожаров, часто остаются целыми, потому что муравьи справляются иногда с подступающим к ним огнём, заливая его своей кислотой.

20 июля 1973 – 21 июля 1973 года. Сделал ещё две попытки обнаружить «Сонар». Второй раз облазил ближайшие горы. В третий раз шёл по абрису, уже зная координаты этого провала (получил их от геологов, которые даже, для их уточнения, консультировались по радию с коллегами, работавшими в другом месте). Нужно было идти до высоты 388, далее 2,5 км, по азимуту 288°. Поднявшись от развилки, (места слияния Сонаров), по левому ручью около 10 км, я свернул и пошёл по указанному мне азимуту, но, пройдя по нему 4 км, уткнулся в болото. Покрутившись около него, решил поиски прекратить, подумав, что по азимуту от произвольной горы, можно идти с тем же успехом и от Ерёмы.

После второй неудачной попытки найти «провал», я снова стал выяснять у Толика Манго, уже водя пальцем по карте, где всё-таки он вышел к нему или хотя бы, откуда шёл, потому что, не в болоте же он пас своих оленей. Толик начал снова объяснять, потом явно запутался и, в конце концов, признался, что там он никогда не был.

Единственно, что я спросил перед своим отплытием у геологов, это что могло быть причиной образования этого провала. По их сведениям, он образовался в результате выгорания во время лесного пожара, выходящего на поверхность, у подножья горы, пласта угля.

Скорее всего, и Виктор Коненкин пошёл искать провал с таким же эвенком, которому, если есть выпивка, всё равно было куда идти, пока не кончится этот веселящий душу продукт. С тем же самым столкнулся и Леонид Кулик, причём с таким же результатом, найти с помощью такого же проводника место, где находится «известный, только ему», таёжный вывал.

Запись опубликована в рубрике [Тунгусский метеорит](#).